

В. С. Чураков

В. В. Напольских. Введение в историческую уралоистику.

Ижевск, 1997, 268 с. с илл.

Рецензируемая работа, рекомендованная в качестве справочного и учебного пособия для студентов исторических и филологических факультетов высших учебных заведений, с одной стороны отвечает требованиям учебного пособия, предназначенного для лиц, делающих лишь первые шаги в области изучаемого предмета, который определяется В. В. Напольских как *этническая история уральских народов*, но с другой стороны, включает в себя и собственно научное исследование автора, посвященное решению одной из центральных проблем уральской предыстории – проблеме локализации уральской прародины, что предполагает наличие у читателя определенных знаний как в сфере уральского языкознания и археологии, так и в таких научных отраслях как палеобиогеография и антропология. Таким образом, в структурном отношении книга делится на два практически равных по объему, но значительно отличающихся по характеру содержания раздела. Однако следует согласиться с В. В. Напольских, что для полного вхождения в предмет исторической уралоистики необходимо, как бы это не казалось сложным для новичка, не ограничиваться ознакомлением с обобщающей информацией первой части книги, но и приложить усилия для усвоения материала второй.

Как следует из названия – „Уральские народы: начальные сведения по этнической истории“ – первая часть монографии преследует цель в сжатой, справочной форме осветить основные вехи этнической истории известных уральских народов. В композиционном отношении она в соответствии с принятой в уральском языкознании генетической классификацией языков современных уральских народов подразделена на несколько глав (*Прибалтийско-финские народы, Саамы, Пермские народы, Угорские народы, Самодийские народы*), каждая из которых включает вводный очерк причин обособления общей для указанных групп народов праязыковой общности и ее развитие. Далее следуют параграфы, содержащие сведения по этнонимии, письменной истории и современном положении отдельных народов, возникших в результате распада такой общности. В этом отношении особняком стоит глава *Поволжские финны*, в рамках которой представлены мордва и марийцы. В. В. Напольских является последовательным противником некогда распространенного представления о существовании в прошлом общего для мордовских и марийского языков праязыка. Практически единственной причиной, позволяющей рассматривать указанные народы в рамках одной главы, является общность исторических судеб. В целом, первая часть монографии на сегодняшний день является лучшим обобщающим справочником по этнической истории уральских народов, информацию которого хотелось бы рекомендовать к использованию не только в ВУЗах, но и в расположенных в районах проживания уральских народов школах на уроках истории в рамках реализации регионального компонента в образовании.

Давая высокую оценку общему характеру организации, отбору и подаче информации первой части, мы не можем пройти мимо ряда досадных ошибок в приведенных в ее тексте датах. Кроме уже отмеченной М. Ф. Косаревым и С. В. Кузьминых неточности в указании

времени посещения братом Юлианом Среднего Поволжья (с. 67)¹, следует также указать, что впервые этноним *остяк* появляется на страницах „русских документов“ не в 1499 г., как пишет В. В. Напольских, имея в виду, очевидно, сообщение об участии *остяков* в походе русских войск на *Югру* (с. 74), а в 1469 г. в известном автору летописном сообщении о сборе казанским ханом Ибрагимом войск из подвластных ему областей, одной из которых была *(К)остяцкая [земля]*. Если эти оплошности автора хотелось бы объяснять невнимательностью или опечаткой, то существенное число неточных дат и достаточно спорных положений в параграфе, посвященном удмуртам, оказалось для нас неприятной неожиданностью, учитывая, что труды В. В. Напольских, в том числе и затрагивающие удмуртскую проблематику, отличаются скрупулезностью подбора материала и тщательностью его анализа.

Прежде всего, следует обратить внимание, что приведенные в параграфе даты, связанные с проблемой „первого упоминания“ той или иной локальной общности удмуртов, заимствованы автором из работы Р. Г. Мухамедовой, которая сама пользовалась материалами Д. М. Исхакова². Последний был знаком с копиями грамот, хранящимися в фондах Государственного архива Кировской области, в которых, по-видимому, отсутствовала полная датировка. Обнаруженные в фондах РГАДА и опубликованные М. В. Гришкиной копии этих же грамот⁵ (следует заметить, что данная публикация была известна автору рецензируемой работы), содержат точные даты составления документов, в которых впервые по отношению к бесермянам, проживающим в низовьях р. Чепцы, применяется этноним *чуваши* (18 декабря 1510 г.), а к северным удмуртам этноним *вотьяк* (20 сентября 1520 г.). Следовательно, приведенные в монографии В. В. Напольских даты – 1511 и 1521 гг. (с. 53, 50 соответственно) – требуют корректировки.

То же самое относится и к утверждению, что *арские князья*, которым были подвластны чепецкие удмурты и бесермяне, впервые отмечаются в документах „по крайней мере с начала XV века“ (с. 52). Собственно первое упоминание об арских князьях, как представителях аристократии Вятской земли, связано с летописным сообщением 1489 г., в котором повествуется о покорении последней войсками Ивана III, в духовной которого (1504 г.), содержится повторное упоминание арских князей с Вятки. Следует также отметить, что эта группа арских князей согласно информации их родословных, находящей подтверждение в документальном материале, происходит от *Кара-бека* – выходца из *Ногайской Орды*, пожалованного Иваном III землями по р. Чепце, что, вероятно, могло произойти не ранее 60-х гг. XV в, но не позднее 1489 г. Таким образом, нельзя согласиться с В. В. Напольских, склонным выводить чепецких арских князей, центром которых было селение *Карино* (удм. *Карагурт*), непосредственно из *Арска* – старинного города, расположенного в 60 км. к северо-востоку от Казани (с. 50, 52). Напротив, начиная с середины XVI в., особенно после взятия Казани, документально зафиксирован обратный процесс – переселение арских князей с Чепцы в район южного Прикамья, в том числе в Арск и его окрестности. Среди первых подобных переселенцев был „государев изменник“ арский князь *Явуш* – правнук упомянутого Кара-бека и один из организаторов обороны *Арской земли* в период казанской войны 1552 г. Итак, вопрос о происхождении арских князей из г. Арска, впервые появляющихся на страницах русских летописей в 1496 г., остается открытым, и, вплоть до его разрешения, желательно не смешивать арских князей из *Арска* и арских князей из *Карино*.

С проблемой этнической принадлежности арских князей, которую автор монографии решает в пользу их „татарского“ происхождения, что для XV–XVI вв. является достаточно категоричным утверждением, помня о сложном характере формирования этноса казанских татар, тесно связана проблема этнической принадлежности *арян* и *арских людей*, в которых В. В. Напольских также видит „арских и каринских (чепецких) татар“. „Безусловно, – пишет он, – нельзя исключать возможности присутствия среди *арских людей* каких-то групп удмур-

тов, находившихся в зависимости от арских татарских князей, но реальных указаний на сей счет в источниках не содержится“ (с. 50). На это нам хотелось бы возразить. Даже если не считать, что параллельно с этнонимом *вотьяк* в русских источниках XVI в. могли использоваться производные от тюркского *ar* ‘удмурт’ термины *аряне* и *арские люди* (а это вполне вероятно, учитывая, что в „Истории о великом князе Московском“ А. Курбского имеется пояснение „воитецкий або арский язык (т. е. народ)“), то лишь тот факт, что в большинстве случаев термин *арские люди* употребляется в качестве политонима, т. е. общего обозначения жителей *Арской стороны* Казанского ханства, северная граница которой проходила по центральным районам современной Удмуртии, уже становится достаточно очевидным, что удмурты среди *арских людей* были представлены не просто „какими-то группами“, но являлись в их составе едва ли не самой крупной этнической общностью. Еще одним примером невнимательности при указании времени исторических событий является отнесение походов войск Тамерлана против золотоордынского хана Тохтамыша, приведших к разгрому Булгарской провинции Золотой Орды, к концу XIII в. (с. 53), тогда как в действительности эти события происходили в 1391 и 1395 гг.

Хотелось бы обратить внимание автора, что определенная компилятивность первой части монографии, вообще свойственная для обобщающих работ, своим следствием имела закрепление в содержании отдельных разделов явно устаревших выводов. Так, утверждение, что лишь в период Казанского ханства у марийцев складывается *сотенная организация* (с. 45), заимствованное, вероятно, из работы К. И. Козловой „Очерки этнической истории марийского народа“ (1978, с. 87), не учитывает результатов новых исследований в области изучения становления и развития в обществе потестарно-политических структур. Здесь же используется термин *даруга* для обозначения административных районов Казанского ханства, хотя еще И. П. Ермолаев убедительно показал, что русский термин *дорога* возник и закрепился в качестве обозначения административно-территориальных единиц бывшего Казанского ханства, а позднее, кстати сказать, был перенесен и на территорию Башкирии, после проведения учета новых подданных Русского государства, в ходе которого писцы переписывали селения, лежащие вблизи главных дорог, выходящих из Казани⁴. Собственно в Казанском ханстве для обозначения провинций, как следует из ярлыка Сахиб Гирея (1523 г.), использовался арабский термин *вилаят*. В свою очередь в русских документах исторические провинции соседнего государства назывались *сторонами* (*Горная, Луговая, Арская, Побережная* или *Ногайская*) или *четвертями*, что является косвенным подтверждением их общего числа. Таким образом, термин *дорога*, употребление которого распространилось в Среднем Поволжье и Южном Приуралье со второй половины XVI в., не имеет никакого отношения к названию должности сборщика подати *даруга*, как полагал в свое время М. Г. Худяков, после работы которого „Очерки по истории Казанского ханства“ (1923) такое сопоставление некритически было усвоено большинством исследователей. Наконец, в параграфе, посвященном удмуртам, В. В. Напольских, следуя закрепившейся в современной удмуртской этнографической литературе порочной традиции, для обозначения удмуртских родов использует термин *воршуд* (с. 54), которым в действительности обозначался дух предка-родоначальника того или иного рода (удм. *выжы*).

В завершении рассмотрения первой части монографии хотелось бы несколько слов сказать об интерпретации некоторых исторических известий. В частности относительно соотношения этнонимов (*v*)*IsŪ* с вепсами (с. 19), а *arisu* с мордвой-эрзей (с. 37). Как нам кажется, более обоснованным следует считать отождествление народа *IsŪ* (именно в такой форме передают его название независимые от Ибн Фадлана авторы) с населением верхнего Прикамья, активным посредником в торговле булгар с народом *jŪrā*. Термин *arisu* еще польский ориенталист Т. Левицкий предлагал рассматривать в качестве композита на том основании,

что в пространной редакции письма хазарского царя Иосифа названы восемь народов, живущих по берегам р. Итиль, тогда как в краткой редакции дается лишь их общее число – 9. Вполне логичным было допущение, что исчезновение одного народа пространной редакции письма является результатом слияния двух соседних в списке этнонимов⁵. Наиболее удачно можно разложить именно термин *arisu*, в результате чего образуются названия известных испано-арабскому путешественнику ал-Гарнати народов – *ārū* (адекватная этническая атрибуция которого дана чешским востоковедом И. Грбеком, в связи с чем можно высказать сожаление, что В. В. Напольских не счел необходимым хотя как-то обмолвиться об ал-Гарнати в параграфе об удмуртах) и *īsū*. Представителей обоих народов путешественник видел в Булгаре в составе «одной группы». Последнее замечание особенно важно, поскольку позволяет предположить, что они общались на понятных друг для друга языках: очевидно, что таковыми народами могли быть собственно удмурты и предки коми-пермяков, с которыми и следует отождествлять *īsū*. Это предположение соответствует и географическим представлениям тех лет о восточных истоках р. Итиль, которые полностью игнорируются сторонниками других версий. Еще одним косвенным подтверждением нашего мнения, является предположение самого В. В. Напольских, что название северного народа *jūrā* (*югра*) – торгового партнера купцов-*īsū*, могло проникнуть в восточные и древнерусский языки из пермских языков (с. 71).

Отметим также возможность альтернативного решения давней проблемы этнической атрибуции загадочного народа *сырьяне*, упоминающегося в „Слове о житии и учении Стефана Пермского“ (после 1396 г.). Автор монографии соглашается с этимологией А. Шегрена – А. К. Матвеева, которые видят в данном слове раннюю форму этнонима *зыряне*, восходящую к прибалтийско-финской основе **sürjä* ‘край, сторона’ (с. 57). Мы же полагаем, что было бы заманчивым установить наличие связи указанного этнонима, обозначающего некое население, которое, не противореча данным самого источника, можно разместить в верховьях Вятки, с названием бывшего *Сырьянского стана* Вятской земли, центром которого было существующее и по сей день селение *Сырьяны*. Зная, что в *Сырьянском стане* еще в середине XVI в. проживали удмурты, допустимо предположить, что Епифаний Премудрый – автор жития – зафиксировал название какой-то удмуртской родовой группы. Во всяком случае, отмеченный термин *сырья(не)* формально полностью соответствует модели образования удмуртских родовых имен: имя родоначальника + суф. собирательного множественного числа *-a* (напр. *Šudja* < мужской антропоним *Šud-i(-ej)* < *šud* ‘счастье’ + суф. *-a*). Таким образом, возможно, что фонетическая близость этнонимов *сырьяне* и *зыряне* возникла случайно.

Вторая часть монографии – „Предыстория уральских народов: введение в проблематику уральской прародины“ – представляет собой авторское научное исследование, в котором В. В. Напольских ставит перед собой задачу построения опирающейся на данные языкознания, археологии, физической антропологии, этнографии и палеобиогеографии „внутренне непротиворечивой, учитывающей и объясняющей максимальное количество исторических фактов“ модели функционирования „реально существовавшего некогда языкового организма“ – уральского *пранарода*, культура которого, во всем ее многообразии, развивалась на определенной территории – *прародине*, локализация которой собственно и является целью исследования. При этом автор уточняет, что поскольку сравнительно-исторический анализ уральских языков позволяет восстановить состояние уральского праязыка на стадии близкой к его распаду, то и «под уральской *прародиной* следует понимать район, где уральский *пранарод* обитал незадолго до или непосредственно в период распада уральского праязыкового единства» (с. 110).

Безусловный интерес представляет изложенная в главе «О методологии» модель, описывающая понимание В. В. Напольских процесса «распада праязыка» или, другими сло-

вами, такой трансформации языкового организма, в ходе которого он перестает быть самостоятельной языковой единицей, становясь лишь основным («системообразующим») компонентом новых языковых организмов. При этом автор отмечает, что, «факт языкового распада (а следовательно – и его датировка) определяется не собственно внутриязыковыми причинами...а исключительно социальными обстоятельствами», создающими такие условия, при которых та или иная общность людей начинает осознавать свою обособленность и, как следствие, рассматривает язык, на котором она говорит, в качестве языка лишь своей общности («язык получает имя») (с. 112). Если слова «исследователь предыстории должен видеть за распадом праязыка социальные процессы» вряд ли могут вызвать возражения, то введение дополнительной терминологии для описания взаимодействия носителей различных диалектов праязыка типа *эндоуральцы* (носители прауральских диалектов, составивших впоследствии системообразующие компоненты в сложении *исторических* уральских языков) и *парауральцы* (носители ассимилированных диалектов прауральского языка, не оставившие прямых языковых потомков) (с. 113), вызывает определенные вопросы относительно критериев ее употребления (следует ли вычеркивать из числа потомков *эндоуральцев*, к примеру, пользуясь терминологией В. В. Напольских, *парапермян*, язык(и) которых с одной стороны являе(ю)тся *прямыми* наследниками эндоуральских диалектов уральского праязыка, но с другой стороны не имеют потомков среди языков «сегодняшних уральцев»)⁶.

В небольшой по объему II главе, автор дает генетическую классификацию уральских языков и, затрагивая проблему адекватности отражения на различных графических схемах истории их развития, предлагает свой вариант такого «родословного древа». На схеме (рис. 5) В. В. Напольских стремится, ограничившись указанием относительной хронологии существования тех или иных праязыков, отразить как характер соответствующей праязыковой общности (относительно единая, аморфная), так и характер языковых процессов, протекавших в таких общностях («скачок», «перетекание»), приводивших к возникновению новых языковых организмов. Далее следуют III–VI главы, в которых собственно и отражен ход исследования. В целом, придерживаясь традиционной хронологии уральской предыстории, автор на основе анализа праязыковой лексики, приходит к выводу о мезолитическом облике культуры уральского пранарода, что позволяет ему несколько удревнить период распада уральского праязыка, ограничив его рамками VI – конца V тыс. н. э. (с. 125). В главе IV при помощи метода лингвистической палеонтологии определяется уральский праязыковой экологический ареал, для уточнения границ которого очерчиваются также праязыковые экологические ареалы носителей финно-угорского и самодийского праязыков. Поскольку праязыковой экологический ареал не может быть напрямую сопоставлен с прародиной той или иной праязыковой общности, большое значение при ее локализации имеют сведения о внешних генетических и ареальных связях праязыка с другими языками (гл. V). Учитывая особую роль данных индоевропеистики для уральского языкознания, важным является вывод, к которому приходит В. В. Напольских – «истоки уральского и индоевропейского праязыков (по крайней мере, на поздних этапах их существования) непосредственно не связаны друг с другом» (с. 144). Обзор места и времени первых контактов уральцев с индоевропейцами, алтайцами и родственными юкагирами приводят автора к заключению, что «южные области Западной и в особенности – Средней Сибири» можно рассматривать «как район, где следует локализовать древнейшие этапы уральской языковой предыстории» (с. 166–167). В завершающей, VI главе, затрагиваются физико-антропологический и археологический аспекты проблемы уральской и финно-угорской прародины. Окончательные результаты исследования представлены на рис. 7, на котором определены гипотетические границы территорий распространения как эндоуральских групп (относительно узкая, не более 500 км. в ширину, полоса, вытянувшаяся от Вятско-Ветлужского междуречья до предгорий Восточного Саяна),

так и носителей парауральских диалектов (огромные пространства к северу, северо-западу и северо-востоку от эндоуральцев, от Прионежья до речного бассейна Енисея).

Несмотря на отмеченные недостатки, прежде всего связанные с указанием дат, монография В. В. Напольских оставляет самые благоприятные впечатления. Безусловная ценность работы заключается в том, что по ее прочтении студент усвоит значительный объем полезной информации, молодой ученый приобретет навыки научной работы, а коллеги автора получат обильную пищу для размышлений.

(Июнь, 2003 г.)

Примечания

¹ Косарев М. Ф., Кузьминых С. В. К проблеме поисков уральской прародины, „Journal de la Société Finno-Ougrienne, 89“, Helsinki, 2001, стр. 102.

² Мухамедова Р. Г. Чепецкие татары (краткий исторический очерк), „Новое в этнографических исследованиях татарского народа“, Казань, 1978, стр. 9–10.

³ Гришкина М. В. Служилое землевладение арских князей в Удмуртии XVI – первой половины XVIII веков, „Проблемы аграрной истории Удмуртии“, Ижевск, 1988, стр. 35–37.

⁴ Ермолаев И. П. Среднее Поволжье во второй половине XVI–XVII вв., Казань, 1982, стр. 62.

⁵ Lewicki T. Arisu un nom de tribu énigmatique cité dans la lettre du roi khazar Joseph (X-e siècle), „Cahiers du Monde Russe et Soviétique“, 1962, vol. III, № 1, pp. 90–101.

⁶ См. также: Арутюнов С. А. [Рец.]: В. В. Напольских. Введение в историческую уралистику. Ижевск, 1997, „Сов. этнография“, 1999, № 3, стр. 148.